

В защиту способности к одиночеству

Одо МАРКВАРД

(1928–2015). Немецкий философ, ординарный профессор Гисенского университета им. Юстуса Либиха, с 1985 по 1987 год — президент Немецкого философского общества.

Ключевые слова: школа Иоахима Риттера; компенсаторная теория; философия скепсиса; одиночество; модерн; городская культура; коммуникативная теория; критика культуры.

Статья является изложением доклада, прочитанного на радио «Свободный Берлин» в 1983 году. Статья вышла в сборнике «Скепсис и согласие».

Доклады сборника во многом являются продолжением и детализацией позиции, впервые сформулированной автором в работе «Отказ от принципиальностей». Доклад «В защиту способности к одиночеству» рассчитан на широкую аудиторию, основные оппоненты в нем не называются. Имплицитным образом, тем не менее, здесь ведется полемика с коммуникативной теорией Юргена Хабермаса и культур-критической позицией Теодора Адорно. Иронизируя над популярной критикой культуры, согласно которой модерн «обрекает» человека на одиночество, автор подчеркивает, что беда современной культуры состоит не в одиночестве, а в отсутствии способности к одиночеству.

В первой части статьи автор рассматривает социокультурные предпосылки, вследствие которых одиночество является неизбежным

явлением в эпоху модерна. Во второй части он описывает способы, с помощью которых современные горожане пытаются спастись от одиночества, а также акцентирует внимание на том, что попытки подобного спасения могут привести к прямо противоположным результатам. В третьей части представлена подробная аргументация в защиту основного тезиса данной работы: одиночество есть необходимое следствие буржуазного мира модерна. С ним бесполезно бороться. Напротив, с одиночеством необходимо согласиться, хотя бы в той мере, в какой оно позволяет установить дистанцию, необходимую для трезвой оценки действительности. Этот вывод отражается в четвертой, заключительной части статьи, где автор указывает на феномены, которые принципиально не могут избавить от одиночества, но способствуют формированию культуры способности к одиночеству, которая по определению является культурой модерна.

«Н Е ХОРОШО быть человеку одному» — так сказано в Библии (Быт. 2:18), и здесь это говорит сам Бог. Быть одному (*Alleinsein*) и одиночество (*Einsamkeit*) взаимосвязаны. «Кто одинок, того звезда горит особняком»¹, — поет арфист в «Вильгельме Мейстере» Иоганна Вольфганга фон Гёте. И кто один, тот часто одинок. Возможно, это неизбежно. «Один на один со своей судьбой. / Не знает никто никого другого, / Сам по себе любой»², — пишет Герман Гессе. Приведу сразу еще одну цитату:

И вот я один на земле, без брата, без ближнего, без друга — без иного собеседника, кроме самого себя. Самый общительный и любящий среди людей оказался по единодушному согласию изгнанным из их среды. <...> Я продолжал бы любить людей против их желания. Только перестав быть людьми, могли бы они отделаться от моего чувства. И вот они мне чужие, незнакомые, никто, наконец, — раз они этого хотели. А я — что такое я сам, оторванный от них и от всего? <...> Да, нет сомнений! Сам того не заметив, я сделал прыжок из яви в сон или, скорей, из жизни в смерть³

— прыжок в одиночество. Так начинает Жан-Жак Руссо свою последнюю работу — *Rêveries du promeneur solitaire* («Прогулки одинокого мечтателя»). Здесь сформулирована одна из первых классических жалоб на одинокое положение людей в обществе модерна. На одиночество в названии этой работы указывает не только

Перевод с немецкого Марии Румянцевой по изданию: © Marquard O. Plädoyer für die Einsamkeitsfähigkeit // Idem. Skepsis und Zustimmung. Stuttgart: Reclam, 1994. S. 110–122. Публикуется с любезного разрешения издательства.

1. Перевод Федора Тютчева. — Здесь и далее прим. пер.
2. Стихотворение «В тумане» в переводе Валерия Брайнина-Пассека. Буквально: «Жизнь — это одиночество. Никто никого не знает, каждый — одинок» (Leben ist Einsamsein / Kein Mensch kennt den andern, / Jeder ist allein).
3. Цит. по: Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя // Избр. соч. Т. 3. М.: Художественная литература, 1961.

то, что речь идет о том, кто прогуливается в «одиночестве», но и слово «мечтатель», ибо, следуя одному из традиционно используемых критериев различия, только когда мы бодрствуем, у нас есть общий мир, когда же мы спим, у каждого лишь свой собственный. В соответствии с этим Руссо, который на исходе своих дней жил изолированно также в буквальном смысле слова — изнуренный страхом на острове, — писал это сочинение только для себя и даже уже не думал о его публикации; после смерти автора оно появилось впервые в 1782 году, то есть ровно 200 лет назад. С тех пор на протяжении этих 200 лет жалоба на одиночество не утратила актуальности. Совершенно напротив: одиночество, по-видимому, становится все более тяжелым недугом эпохи, огромным бременем и мучением, которое распространяется все шире. В модерновом и современном мире оно принадлежит, по-видимому, к наиболее репрезентативным жизненным недугам: мы живем в эпоху одиночества.

Теперь я хотел бы — в связи с этим возрастающим ропотом на одиночество как на источник страданий — здесь, в моих рассуждениях, представить, разъяснить и сделать как можно более понятным тезис, который дополняет данную оценку одиночества и тем самым изменяет ее. Тезис состоит в следующем: в эпоху модерна нам докучает, нас мучает и третирует не только и даже не столько одиночество, сколько прежде всего потеря способности к одиночеству — ослабление способности быть одному, утрата навыков уединенного существования, истощение искусства жизни, позволяющего позитивно воспринимать одиночество. Именно это, как я полагаю, и является — в том, что касается одиночества, — подлинным недугом нашего времени: не само одиночество, но недостаток способности к одиночеству. На эту тему я приведу здесь четыре рассуждения, озаглавив их следующим образом:

1. Одиночество в эпоху модерна.
2. Симптоматичное общение «вопреки».
3. Потребность в одиночестве.
4. Культура способности к одиночеству.

Одиночество в эпоху модерна

Своим тезисом я вовсе не подвергаю сомнению, что одиночество действительно принадлежит к одному из наиболее репрезентативных состояний именно сегодняшнего мира: мы живем — я по-

вторую и подчеркиваю это — в эпоху одиночества. И тому есть множество причин.

Для начала стоит заметить, что именно в эпоху модерна «омассовление» индивида ведет к его изоляции. Это вполне элементарно: становится все больше людей на все меньшем пространстве. Следовательно, физически люди все больше сближаются друг с другом, но психически все больше отдаляются друг от друга — одно обуславливает другое. Можно пояснить это следующим образом: один сосед является другом; пять соседей — хорошими знакомыми; десять соседей — обществом взаимопомощи; пятнадцать соседей тревожат; сто соседей — это уже слишком; тысяча соседей — почти невыносимо, с ними можно совладать лишь посредством хорошо развитого безразличия как необходимой самообороны; только когда о них ничего не знаешь, можно с ними жить. Так существование в толпе становится анонимным: среди бесчисленного числа людей индивид остается незамеченным, одним, одиноким. Так появляется, например, «синдром высоты», о котором много говорили: человек больше не знает своих соседей; никому не интересно, как он живет; кроме того, безразлично даже, жив ли он вообще. Поэтому может случиться то, о чем время от времени сообщают газеты: покойник может незамеченным неделю пролежать в квартире. С увеличением числа людей падают плотность и интенсивность персональной коммуникации, благодаря этому возникает одиночество. Сюда же добавляется растущая мобильность современного мира, которая в пространственном отношении разрывает семейные, соседские, дружеские связи. Люди со слабой мобильностью, особенно старики, теряют контакты и изолируются. Так живет людям в массовом обществе модерна, в котором жизнь большого города становится нормой — теперь и территория региона становится квазибольшим городом. Хотя верно, как сказано в «Похвале большому городу» Гельмута Шельски, «что в большом городе труд становится все более объективированным (*sachlicher*), а досуг — все более частным»: анонимность мира труда разгружает и снимает бремя с интенсивной индивидуальности жизненного и смыслового мира. Но с увеличением свободы формирования этого мира растет также риск бесформенности, которая ведет к одиночеству.

Более 30 лет назад в своем социологическом бестселлере «Одинокая толпа» Дэвид Рисмен подчеркнул еще одну центральную причину изоляции: модерн, который больше не является миром, руководствующимся традицией, в нашем столетии привел к сме-

не человека, «ориентированного изнутри», на человека, «ориентированного извне», который настолько стремится быть точно таким же, как другие, насколько это возможно. Впредь только равенство дает доступ в общество, неравенство исключается из общества. Но люди не только равны, они всегда еще и неравны. Поэтому чем больше равенство распространено в обществе, тем больше становится тех, кто не включен в общество, то есть одиноких. У людей, «ориентированных извне», явно растущее равенство сопровождается скрыто растущим одиночеством. Можно радикализировать этот тезис, рассматривая этот рост одиночества в эпоху модерна как превращение не-одиночества. Речь идет о превращении такого множества, которое есть либо сообщество некоторых (*Mehrsamkeit*), либо общество всех (*Allsamkeit*): либо это такое «мы», к которому принадлежат лишь некоторые (как, например, в случае семьи), либо такое «мы», к которому принадлежат все люди (как, например, в случае «системы потребностей», понимаемой как индустриальное общество производства, сбыта и потребления). В мире модерна, каковой является эпохой универсализации, сообщество некоторых (*Mehrsamkeit*) все больше сменяется обществом всех (*Allsamkeit*). Но при единстве всех любой человек может быть заменен другим — в отличие от сообщества некоторых, где такого не происходит. Исключительность человека становится ничего не значащей, излишней, оставленной за ненадобностью. Люди могут испытать свою исключительность теперь лишь как одиночество. Поэтому современная эмансипация от сообщества некоторых и установление общества всех неизбежно производит одиночество, когда возникает то состояние, на которое я здесь еще раз хотел бы обратить внимание: мы живем — в рамках модерна и текущего момента — в эпоху одиночества.

Симптоматичное общение «вопреки»

Все это обнаруживается также косвенно — благодаря активностям, направленным против одиночества, которые, правда, вместо того, чтобы преодолеть, скорее, подтверждают и усиливают его. Здесь речь идет о симптоматичном общении «вопреки» — о навязчивом поиске коммуникаций, направленных против одиночества. Я укажу здесь (*pars pro toto*⁴) только на два соответствующих феномена.

4. Целое из части (лат.).

Первый — это превращение человеческой сопричастности в экзотическое явление: ее перемещение вдаль. Одиночество в эпоху модерна, которое может быть описано как потребность и в то же время как смерть коммуникации с ближним, приводит к тому, что в качестве ее суррогата чрезмерно настойчиво используется коммуникация с дальним. Человечно теперь обходятся только с теми, кто находится совсем далеко — во времени, пространстве или в каком-то ином отношении. Когда человек перестает знать самых близких людей, входящих в сферу его жизни, его любовь обращается только к самым дальним: к благословенному человечеству будущего, к людям, населяющим самые отдаленные уголки планеты (предпочтение отдается бунтарям с Дальнего Востока или из Латинской Америки, ведь именно им предстоит восторжествовать в будущем), а также к сверхлюдям, от которых нас отделяет непреодолимая дистанция восторга, — идолам в политике, спорте, культуре и субкультуре. Утрата близкого замещается дальним: диалоги теперь также случаются только по телефону, а телевизор заменил даже зрение. Например, то, что должно оставаться от сопричастности между берлинцами, реализуется теми, кто находится далеко от Берлина, в ходе телевизионной трансляции, демонстрирующей удаленному зрителю счастливое переживание сообщества. На место любви к ближнему пришла любовь к дальнему: заблокированная солидарность с близкими компенсируется эмфатической солидарностью с дальними. Но именно из-за этого (такова обратная сторона и цена этого изменения) человек впервые действительно становится слеп и нечувствителен к самому близкому: утрата самого близкого из-за неудержимого стремления вдаль усиливает как раз то, чего хотели бы избежать, — одиночество.

Второй феномен — это конъюнктура группы как средство против одиночества. Чтобы избежать одиночества, бегут в коллектив — сейчас это преподносят как лекарство от всех болезней. Впредь человеку не следует — во имя победы над одиночеством, а также поскольку в противном случае он является «чрезмерно приватным» — ничего делать в одиночку: ни читать, ни писать, ни работать, ни жить, ни говорить, ни молчать, ни плакать, ни испытывать счастье. Даже в одиночестве человек теперь не должен находиться один, все должно быть устроено сообща — без группы нет спасения. Для того, кто не чужд университетской среде, это особенно заметно в сегодняшнем массовом университете: вы с каждым на ты, но никого не знаете. От одиночества, которое является следствием массового университет-

ского предприятия, спасаются бегством, настойчиво устремляясь в группы: в общество велосипедистов, в коммуны жильцов, в кружок, где придаются размышлениям и дискуссиям, в рабочие группы, в сообщества, объединенные эмоциональной общностью, — стремятся в группы ради группы, чтобы не оставаться в одиночестве. Предметом поклонения здесь является групповая работа. Она, обычно совершенно непродуктивная, становится священной коровой как своего рода символ «антиодиночества», который развивает потребность в том, чтобы находиться в группе. Лучше всего, впрочем, эту потребность описал Гёте в анализе Гамлета из «Ученических лет», ссылаясь на Розенкранца и Гильденстерна:

То, что собой представляют и делают эти двое, не может быть изображено одним. В таких мелочах сказывается все величие Шекспира. Эти тихие повадки, эта угодливость и увертливость, это поддакивание, эта ласкательность и льстивость, это проворство, это пресмыкательство, эта всегодность и ничтожество, это истовое криводушие, эта бездарность — как может все оно быть выражено одним человеком? Да на это потребовалась бы целая дюжина, если бы их нашлось столько; но они ведь проявляют себя лишь в обществе, они и есть общество⁵.

Призвание, связанное с работой в группе, — это придворный льстец и те профессии, которые стали его преемниками. В групповой работе нет ничего плохого, когда с ней связан групповой энтузиазм немного иного рода, например в тех группах взаимопомощи, где обходятся помощью друг другу. Но нет ничего хорошего в маниакальном поиске групп, признаком чего является крайняя опасность, исходящая от тех, кто стал зависеть от группы: вместо того, чтобы преодолевать одиночество, он лишь усиливает его, разрушая способность к одиночеству.

Эпоха модерна в отношении одиночества есть, следовательно, также эпоха симптоматичного общения «вопреки». Коммуникативная эмфаза дальнего и поиск группового общения — оба эти феномена, последовательно разрушающие способность к одиночеству, делают нас совершенно безоружными перед ним: они стремятся преодолеть одиночество, но на деле косвенно его усугубляют.

5. Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. / Пер. с нем. Н. Касаткиной. М.: Художественная литература, 1978. Т. 7. С. 68.

Потребность в одиночестве

Итак, я возвращаюсь к моему тезису: в эпоху модерна нам докучает, нас мучает и третирует не только и даже не столько одиночество, сколько прежде всего потеря способности к одиночеству — ослабление способности быть одному, утрата навыков уединенного существования, истощение искусства жизни, позволяющего позитивно воспринимать одиночество. Это недомогание свойственно модерну, но ни в коем случае не является само собой разумеющимся — позитивное восприятие одиночества возможно.

Уже тот опыт, который в средневековой мистике, к примеру у Мейстера Экхарта, привел к появлению слова «одиночество», был позитивным опытом. Прежде всего, если я правильно понимаю, тогда слово «одиночество» вообще не означало «одиночного» и «изолированного», но являлось немецким переводом *unio* в смысле *unio mystica*, мистическим единством человека с богом. Такое «одиночество» (*Ein-samkeit*) было их «единым бытием» (*Eins-seins*) — интенсивнейшей формой их коммуникации. Если бы смысл этого слова — одиночество как единство — сохранился и секуляризировался, говорили бы сегодня не об «Одиночестве бегуна на длинные дистанции»⁶, а об одиночестве супругов, и это означало бы то, что в Библии выражено в формуле *оба есть одна плоть*, — максимально интенсивную форму их коммуникации. Разумеется, такой смысл этого слова, несмотря на его отзвук в пиетизме XVIII века, был утрачен. «Одиночество» стало вскоре обозначать ту «оторванность» от других, с которой связано мистическое переживание Бога. Когда в дальнейшем Бог выбыл из игры, человек остался все еще оторванным, но уже лишь наедине с самим собой — именно в современном смысле слова «одиноким» (*einsam*). Но также и сейчас это «чистое» одиночество может восприниматься позитивно и поэтому быть желаемым: существует позитивная потребность в одиночестве. Я укажу здесь на три соответствующие формы одиночества, которые приходят мне в голову как скептику, университетскому преподавателю и живому существу, нуждающемуся в одиночестве.

Одиночества желают — и любят его — скептики. Репрезентативным является, например, Мишель Монтень, живший в эпоху раннего модерна (так сказать, между Пирроном и мной), который, завершая свою интенсивную публичную деятельность, возвра-

6. Подразумевается одноименный фильм 1962 года режиссера Тони Ричардсона.

щался в *solitude*, в одиночество. Он ретировался «на третий этаж своей башни», чтобы предаться чтению и письму, а также своим опытам, которые не требовали решительного вердикта. Скептик, в отличие от вершителей абсолютного знания и действия, не стоит «спекулятивно» на вершине башни, но сидит в башне, а также — с тех пор как обычные дома пришли на смену башням — уединяется в своем кабинете. Он намеренно устраивается между стульями господствующих учений, ибо смысл скептицизма — в разделении властей, включая те власти, каковыми являются убеждения. Скептик ценит и хранит раздор господствующих учений. Когда они ссорятся, он радуется, потому что именно благодаря этому — разделяй и властвуй! — он становится свободным от них и от тех издержек, которые приносят их шоры. Он не присоединяется к ним, а отстраняется и становится поэтом одиноким, обособленным. Но это одиночество является для скептика шансом приметить и подумать. Руководствуясь своими собственными соображениями и скрываясь под своим шутовским колпаком, который прикрывает скептическую способность к одиночеству, скептик остается по ту сторону общения, подтверждающего само себя.

Одиночества ищут — и нуждаются в нем — ученые: без уединения (*Einsamkeit*) невозможна наука, даже если сегодня это положено отвергать. Уединение не делает из науки приватной синектуры, но благодаря ему она становится тем, чем институционально должна быть, — изолированной камерой, в которой готовится познавательная взрывчатка. Наука — это стремление мыслить все что угодно. Нужно думать, не оглядываясь на последствия, иначе нельзя будет мыслить все что угодно. Для этого нужно место, где последствия мыслей будут надежно спрятаны. Ученому нужен, так сказать, мешок с песком между ним и остальным миром на случай, если его мысли взорвутся, чтобы это никому больше не могло навредить. Поэтому необходимо уединение, та башня из слоновой кости, которая является защитой от взрыва мыслей. Поэтому Вильгельм Гумбольдт требовал для науки в университете «уединения и свободы» — свободы мысли, которая благодаря уединению будет изолирована. Несмотря на то что сегодня в массовом университете (*Gruppenuniversität*) хотят свободы науки без уединения, эта потребность в одиночестве все же является значимой. Не случайно с тех пор профессора стали относиться к гильдии путешественников: они постоянно уезжают на конгрессы, проводимые в отдаленных местах. Но важным в их путешествиях является не прибытие на место конгресса или место работы, а удаленность от того и другого: путешествие ме-

жду ними — обычно путешествие в уединении, — когда человек еще может подумывать. Так сегодняшний научный туризм, избавляющий от общения с администраторами науки, спасает способность к научному уединению, которую университет больше не в состоянии защитить.

К одиночеству стремятся — и чувствуют его отсутствие — люди, не соглашающиеся с трибуналом, который относит к числу сегодняшних обязанностей тотальную общительность, немедленно превращая в отверженного всякого, кто ее избегает. Существуют страстные актеры, полностью отдающиеся своему делу, спортсмены, думающие лишь о спорте, запойные пьяницы, читатели, не отрывающиеся от книги. Я, со своей стороны, принадлежу к заядлым бродягам, которые блуждают по лесам и улицам. Страстная тяга к ландшафтам и ностальгия по мостовым, предельно различные на первый взгляд, описаны не раз — например, Карлом Густавом Карусом — как «появившееся только в наше время стремление, напоминающее поклонение природе, время от времени вырываться в леса и горы, в долины и к скалам»⁷. Или Зигфридом Кракауэром как

...опьянение от улиц, которое всегда захватывает меня в Париже. Тогда... я в одиночестве проводил... недели в Париже и каждый день по многу часов бродил по кварталам. Это была одержимость, которой я не мог противиться⁸.

Мне же в этой тяге к рассеянному блужданию важно то, что нетронутые ландшафты и оживленные улицы большого города взаимозаменяемы. И то и другое как освобождение от тотального общения, оправданное требование которого обусловлено обществом модерна, дает одиночке шанс затеряться и тем самым остаться незамеченным: с их помощью он погружается в спасительное одиночество. Подобно современной шапке-невидимке, они скрывают человеческую потребность в одиночестве от трибунала общительности, характерного для общества модерна.

Это были лишь некоторые примеры, но они показывают следующее: существует не только бремя одиночества, но и удовольствие от него.

7. Carus C. G. Psyche. Zur Entwicklungsgeschichte Der Seele. Pforzheim: Flammer und Hoffmann, 1846. S. 394.

8. Kracauer S. Erinnerungen an eine Pariser Strasse // Schriften. Fr.a.M.: Inka Müller-Bach, 1990 (1930). Bd. 5.2. S. 143.

Культура способности к одиночеству

Решающим является вопрос о том, как именно возможно — и возможно ли вообще — превратить бремя одиночества в удовольствие от него, то есть вопрос о культуре способности к одиночеству.

Ибо неверно, что люди могут обходиться без одиночества. Даже если можно было бы обойтись без его только что описанных форм, этого нельзя достичь моментально: чтобы хотя бы временно от них отказаться, также требуется способность к одиночеству. Нет также никакого сомнения в том, что все люди встречаются с неизбежным одиночеством. Оно существует, так как мы умираем. Когда мы прощаемся с жизнью, мы покидаем один наш совместный мир, который, со своей стороны, должен оставить нас одних: мы умираем, оставшись в одиночестве. И так как вся наша жизнь есть бытие «к смерти» — ведь в силу рождения мы обречены на смерть и знаем об этом, — то это элементарное одиночество пронизывает всю нашу жизнь. Эта жизнь коротка, поэтому у нас никогда нет времени на произвольное не-одиночество; как и от нашей смерти, никто не может освободить нас от нашей жизни вместе со всеми ее жизненно важными решениями: у нас нет времени, чтобы все его или хотя бы значительную часть тратить на болтовню. Это обусловленное смертью одиночество — по крайней мере оно — требует способности к одиночеству. От этой способности к одиночеству зависит также наша способность к коммуникациям. Кто, будучи не способен к одиночеству, со всеми своими жизненными вопросами постоянно докучает всем людям, находящимся вокруг, тот не коммуницирует, но становится невыносим, как тяжелобольной, нуждающийся в специальном уходе. Правда, именно этот вид несамостоятельности сегодня некоторые специалисты в области коммуникаций называют коммуникативным идеалом. Они апеллируют к высказыванию: мужество — это способность к коммуникациям. Но в этом высказывании лишь половина правды, ибо по меньшей мере верно также следующее: мужество — это способность к одиночеству.

Поэтому я повторяю: в эпоху модерна нам докучает, нас мучает и третирует не одиночество, но потеря способности к одиночеству — ослабление способности быть одному, утрата навыков уединенного существования, истощение искусства жизни, позволяющего позитивно воспринимать одиночество. Подлинным недугом нашего времени является не само одиночество, но недостаток способности к одиночеству. Поэтому культура способ-

ности к одиночеству имеет решающее значение. В чем она состоит? Ответить на этот вопрос сложно. Я укажу здесь, не претендуя на полноту, на три момента, которые мне кажутся важными для культуры способности к одиночеству: юмор, образование, религия.

К культуре способности к одиночеству относится, например, юмор. Такое легкомыслие, проистекающее из меланхолии, позволяет жить «несмотря на», а именно: соблюдая здоровую дистанцию по отношению к самому себе, следовательно сохраняя дистанцию по отношению к своему одиночеству, в частности избегая сверхожиданий. Кто доволен только удавшейся суперкоммуникацией, тот обрекает самого себя на одиночество; кто даже от памятника на ближайшей площади ожидает, что тот бросится ему на шею, и чувствует себя одиноким, когда он — что обычно для памятника — так не поступает, тот принадлежит к гениям производства отчаяния. Он лучше бы ужился с собой и окружающим миром, если бы — с насмешливой дистанцией к самому себе — поумерил свои неумеренные коммуникативные притязания. Чем меньше кто-либо нуждается в коммуникации, тем больше коммуникаций ему удастся; чем более одиноким может кто-то быть, тем менее одиноким он является.

К культуре способности к одиночеству относится, например, образование. Не всезнайство и зазнайство, но — благодаря актуализации и реактуализации, основанной на фантазии и памяти, — расширение активной способности замечать и наслаждаться не только тем, что наличествует непосредственно, но также книгами, картинами и музыкой. Образование есть тренировка способности получать эти дополнительные блага и может компенсировать одиночество в качестве искусства жизни, которое состоит в том, чтобы не быть одному даже тогда, когда ты один. Образование — и это является одним из его центральных определений — есть гарантия способности к одиночеству.

К культуре способности к одиночеству относится — возможно, неотъемлемым образом — также религия: Бог для верующих является тем, кто все еще здесь, даже когда никого больше нет. Нерелигиозные люди думают, что этого недостаточно: в коммуникативном отношении синица в руках кажется им лучше, чем журавль в небе⁹, даже если вместо журавля речь идет о голубе, который символизирует Святого Духа. Но люди — живые существа,

9. В оригинале используется немецкая поговорка «Лучше воробей в руках, чем голубь на крыше».

чье одиночество обусловлено их смертностью, — бытийно устроены не так, чтобы позволить себе с готовностью отказаться от такого утешения, ибо, без сомнения, есть ситуации одиночества, когда журавль в небе является, так сказать, единственной синицей, которая все еще остается в руках.

Библиография

- Carus C. G. Psyche. Zur Entwicklungsgeschichte Der Seele. Pforzheim: Flammer und Hoffmann, 1846.
- Kracauer S. Erinnerungen an eine Pariser Strasse // Idem. Schriften. Bd. 5.2 / Hg. I. Mülder-Bach. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1990.
- Marquard O. Plädoyer für die Einsamkeitsfähigkeit // Idem. Skepsis und Zustimmung. Stuttgart: Reclam, 1994. S. 110–122.
- Гёте И. В. Собр. соч. в 10 тт. Т. 7. М.: Художественная литература, 1978.
- Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя // Он же. Избр. соч. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 3–286.

IN DEFENSE OF THE POWER OF SOLITUDE

ODO MARQUARD (1928–2015). German Philosopher, Professor at Justus Liebig University Giessen, from 1985 to 1987—President of the German Society in Philosophy (Deutsche Gesellschaft für Philosophie).

Keywords: Joachim Ritter school; compensation theory; philosophical skepticism; solitude; modernity; urban culture; theory of communicative action; critical theory.

This article derives from a lecture given on *Radio Free Berlin* (*Sender Freies Berlin*) in 1983. It was published as part of a collection of Marquard's papers, titled *Skepticism and Agreement* (*Skepsis und Zustimmung*). The articles of this collection specify and build on ideas first articulated in the work *Farewell to Matters of Principle* (*Abschied vom Prinzipiellen*). The lecture *In Defense of the Power Solitude* addresses a broad audience. For this reason, the author does not indicate who his main opponents are, but a polemic with Jürgen Habermas's theory of communicative action and Theodor Adorno's critical theory can be traced in the text. The author argues with the popular critical theory approach to solitude, stating that the main problem of modernity is not in fact solitude, but rather the lack of capacity for solitude.

In the first part of the article, the author deals with the sociocultural foundations for why solitude is an inevitable characteristic of modernity. In the second part of the article, the author describes how modern citizens try to avoid solitude, and points out that these attempts may produce the opposite results of what is intended. The third part of the article presents a detailed argumentation for why it is useless to try and avoid solitude. The author argues that solitude should be accepted, at least insofar as it allows for distancing oneself from reality in order to soberly assess it. This conclusion is articulated in the fourth and final part of the work, in which the author identifies the phenomena that cannot save one from solitude, but that contribute to the formation of a culture of capacity for solitude.

References

- Carus C. G. *Psyche. Zur Entwicklungsgeschichte Der Seele*, Pforzheim, Flammer und Hoffmann, 1846.
- Goethe J. W. *Sobr. soch. v 10 tt. T. 7* [Collected Works: In 10 vols. Vol. 7], Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1978.
- Kracauer S. *Erinnerungen an eine Pariser Strasse. Schriften. Bd. 5.2* (Hg. I. Mülder-Bach), Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1990.
- Marquard O. *Plädoyer für die Einsamkeitsfähigkeit. Skepsis und Zustimmung*, Stuttgart, Reclam, 1994, S. 110–122.
- Rousseau J.-J. *Progulki odinokogo mechtatel'ia* [Les reveries du promeneur solitaire]. *Izbr. soch. T. 3* [Selected Works. Vol. 3], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961, pp. 3–286.